

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всю свою жизнь эти люди трудились ради бесполезной роскоши, тратя себя на нетленность вышивки... малая их часть истратилась на полезное, а все остальное — на оттачивание рисунка, совершенствование формы, чеканку, ненужную серебру. На то, что ничему не служит, а только вбирает отданную им жизнь и живет дольше человеческой плоти.

Зададимся вопросом, какое место в творчестве Сент-Экзюпери занимает «Цитадель». Речь пойдет не об оценке содержания, а всего-навсего о хронологии. Хронология призывает нас увидеть в этой книге седьмую из тех семи книг, которые когда-то обязался написать начинающий писатель для издательства «Галлимар», заключив с ним контракт в 1929 году. Образцовый автор, исполненный щепетильности: как только обязательства были выполнены, писатель получил право «отделившись от своего творения, словно жнец, увязавший сноп, растянуться и заснуть на поле». Так Сент-Экзюпери написал об уходе из жизни Мермоза, и себе уготовил такую же участь...

Увы! Легенда о писателе и без того изобилует всевозможными патетическими штампами, поэтому не будем прибавлять к ним еще один.

Тем более что этот выглядел бы откровенной подтасовкой: в 1944 году «Цитадель» не только не была опубликована, она даже не была закончена. А если к тому же вспомнить, что замысел этой книги возник в 1936 году, когда Сент-Экзюпери был автором всего лишь двух романов — «Южный почтовый» и «Ночной полет»... Неужели «Цитадель» должна была стать третьим произведением в списке задуманных, но финишная прямая забрезжила лишь спустя пятнадцать лет после возникновения замысла?..

Итак, седьмая из семи намеченных книг. Довольно любопытная, хотя и читается с немалым трудом. Отзывы критиков об этой книге всегда были язвительными. Критики словно бы втайне сожалели, что творческий путь автора не оборвался на «Письме заложника» или на «Маленьком принце», чье исчезновение так похоже на пророчество. По их мнению, финал был бы гораздо более впечатляющим и без пафосной истории бедуинов. Случай, который сделал последней книгой «Цитадель», может быть, и смыслил что-то в мистике чисел, но в литературе не смыслил ровным счетом ничего.

Однако оставим в стороне суждения критиков и вернемся к хронологии. В 1936 году появляется набросок на двенадцати страницах под названием «Каид», который, скорее всего, представляет собой начало большого задуманного произведения. К этим страницам, однако, так ничего и не прибавилось, по крайней мере, в ближайшие после этого годы, никакого развития набросок не получил. Буколическая поэма, прерывающаяся сценой каз-

ни, за которой следовало размышление о женщинах, показалась, очевидно, автору мало уместной во времена, когда запыхала гражданская война в Испании, когда над Германией, а значит, и над всей Европой нависла зловещая угроза. Да и личная жизнь автора была в те годы далека от идиллии. Неопределенность социального положения, издержки непростой семейной жизни, проблемы со здоровьем, всерьез подорванным катастрофой в Гватемале (февраль, 1938), — все это мало способствовало прозорливой ясности души, необходимой для выстраивания масштабного произведения. Можно ли было ждать осуществления подобного замысла среди разнородной, хотя и не лишенной интереса деятельности, которая поглощала тогда время Сент-Экзюпери, деятельности, лишенной внутреннего единства и стабильной отдачи? Статьи, репортажи, лекции, киносценарии, изыскания в области авиации, получение патентов на свои изобретения, неудачные попытки поставить новые летные рекорды. Сент-Экзюпери постоянно переезжает с места на место, много путешествует: то он в Испании, то в Германии, то в России, то в Нью-Йорке. Подобный образ жизни свидетельствует, скорее всего, о том, что своей лихорадочной деятельностью он лечится от тоски и подавленности. Но вот началась Вторая мировая война. Сент-Экзюпери стремится во что бы то ни стало участвовать в боях. Он прекрасно понимает, как опасен в такое время душевный и умственный разброд, он собирается, он сосредоточивается, и вновь к нему возвращаются оставленные на время размышления, он снова пишет.

Первые пятнадцать глав «Цитадели», насчитывающие сто девятнадцать страниц, были закончены до его приезда в Нью-Йорк, а в Нью-Йорк он

прибывает 31 декабря 1940 года. Произведение продвигается вперед, соответствуя и не соответствуя первоначальному замыслу. Изменения возникают под влиянием происходящих событий. Франция захвачена нацистами. Первые акции сопротивления направлены против захватчиков в защиту родины. Мало кто в этот момент ратует за человечность против бесчеловечности. Сент-Экзюпери за руинами разбомбленных домов видятся руины философских гуманистических систем и обвал культуры. С особой остротой он ощущает необходимость вновь насытить духовными ценностями человеческое сознание. Эту задачу он и будет отныне решать, воздвигая свою «Цитадель».

Не стоит представлять себе нью-йоркский период жизни Сент-Экзюпери как передышку между боевыми действиями на территории Франции и средиземноморскими военными заданиями. Разумеется, в Нью-Йорке Сент-Экзюпери был избавлен от преследования нацистов, но там он был удален и от борьбы против них, тогда как смысл своего существования видел только в активном сопротивлении, без которого не мог ничего писать. Он не искал передышек, напротив, всюду — в Северной Африке, Сардинии, на Корсике — искал встреч с войной, но не в качестве авантюриста или сорвиголовы (есть и такие недалёковидные трактовки его действий), а как человек солидарный со своим народом и с другими народами, которые не пожелали смириться с бесчестием тоталитаризма; как человек, знающий, что солидарным нужно быть и телом, и разумом, потому что без телесного участия разум выдувается ветром слов, растрачивается в тщете бесполезных споров. Находясь в Америке, он не участник французского Сопротивления, он не в рядах борцов за освобождение, он «демобилизирован» в самом уни-

зительном смысле этого слова, оттеснен на чужую территорию, пребывание на которой не дает ему права, как он считал, быть даже свидетелем. А своему перу он хотел придать ту весомость, какую придает только близость смерти.

Тоска оттого, что он остался в стороне и поэтому лишен права голоса, — не единственное, что гложет Сент-Экзюпери между январем 1941 года и апрелем 1943-го. Тело, которое он так стремится сделать залогом собственной порядочности, заставляет его, в ожидании морского покоя, каждый день страдать. Житье то у одних знакомых, то у других, смена квартир, смена городов — отсутствие постоянного домашнего очага наводит на мысль о внутреннем беспокойстве и семейных неурядицах. А настоящих друзей становится все меньше. Не вернулся из полета Гийоме, его сбили, когда он летел над Средиземным морем. Тяжело в такие времена оставаться без дружеской поддержки. На «Письмо к французам», написанное Экзюпери, Жак Маритен отвечает суровой отповедью. Экзюпери небезразличен к его мнению, он уважает и ценит Маритена. Что же? Неужели прямодушные, бескомпромиссные люди становятся непримиримыми, когда не совпадают их оценки событий?

Но гораздо больше, чем несправедливые обвинения, всегда политически пристрастные, а иногда и постыдно подлые, — причем к голосам завсегда-таев нью-йоркских салонов, где решались судьбы мира, присоединялся, долетая через Атлантику, и хор оголтелых гитлеровских приспешников, — ранило Сент-Экзюпери состояние, в котором находилась Франция: исконный порядок в ней разрушен, родину раздирает ненависть, одни французы желают гибели другим. Он отказывается осуждать Петена, «ответственного за позор», считая, что вместе

с ним осудит и миллионы французов, которые доверились маршалу, ухватившись за него как за соломинку. Отказывается присоединиться и к де Голлю, считая, что тот закладывает возможность для своих приверженцев и подпевал расцечь в будущем нацию на две несовместимые части: героев и предателей, Почетный легион и трусливое быдло. И Петен, и де Голль, по мнению Сент-Экзюпери, нашли для себя опору в национальной катастрофе. Ответственность за нее не лежит на них, но они ее используют. Один — для того, чтобы, руководствуясь памятью о былом величии страны, поспешно вернуть ей чуть было не утраченный политический статус, — о котором народ и не помышлял, — создать с несвоевременной манией величия французское государство, что, честно говоря, Сент-Экзюпери совсем не одобрял. Другой — для того, чтобы в будущем установить в стране некое подобие того самого фашизма, от которого сейчас всеми силами пытается избавиться Европа и который в результате станет монополией Франции. Спорные обвинения? Вполне возможно. В отношении де Голля, пожалуй, и чрезмерные. Но нам важно другое — непоправимое одиночество, на которое обрекает Сент-Экзюпери его двойной отказ и идея, что только сам народ вправе решать свою судьбу.

Личные беды, проживаемые эмоционально и физически, общественные беды, из-за которых мучается чуткая совесть, — тяжкое бремя. Но творчески плодотворное. Перечислим одни только литературные произведения, которые были написаны в этот период: «Военный летчик», «Письмо заложнику», «Маленький принц», «Цитадель». Каждое отвечает настоящим требованиям момента. Каждое поражает универсальностью проблем, которые оно охватывает. Каждое значительно

в силу своей оригинальности. Каждое было рождено особым стечением обстоятельств. Мы отделим три первых произведения от четвертого. Не потому, что «Цитадель» не закончена, а потому, что мотивы возникновения этого произведения хоть и были связаны с текущим моментом, как все, что писал Сент-Экзюпери, но были они совершенно иными, чем у остальных.

Сент-Экзюпери перебрался в Соединенные Штаты, однако средств, чтобы жить там, у него не оказалось. Счета во Франции были заморожены. На выручку ему пришли американские издатели, они сняли для него квартиру, снабдили деньгами. Как-никак книги Сент-Экзюпери пользовались в Америке успехом. «Планета людей» (Wind, Sand and Stars) принесла не только лестную известность автору, но и немалый доход. Так почему бы не продолжить сотрудничество? Сент-Экзюпери получил предложение высказать свое мнение о той «странной войне», в которой сам принимал участие, которая так трагически кончилась и о которой здесь, на противоположном берегу Атлантического океана, практически ничего не знали. Ни для кого не секрет, что издатели вовсе не ангелы-хранители, посылаемые изгнанникам, что, вложив деньги, они требуют ответных вложений, понял это и Сент-Экзюпери: издатели день ото дня становились все настойчивее, отбросив в сторону любезности. Неприятная ситуация? Но у кого хватило бы наивности счесть ее неожиданной и удивиться? Однако, судя по всему, решающий аргумент в пользу будущей книги нашли не издатели, а переводчик на английский язык Галантьер и несколько близких друзей Сент-Экзюпери. Аргумент сводился к следующему: о Франции известно только то, что она побеждена. Разве не его долг перед родиной объяснить, поче-

му он вступил в бой, несмотря на численное и техническое превосходство противника, почему и теперь продолжает сражаться? Этот долг вдохновил писателя больше, чем денежный, и ему мы обязаны появлением «Военного летчика».

Существует мнение, что лучшие произведения возникают тогда, когда пишутся на заказ. Свидетельством тому XVII век, творчество Валери, да и других писателей. «Flight to Arras» (по-русски «Военный летчик») в течение полугода держал первое место среди самых продаваемых книг Соединенных Штатов. Издатели не просчитались, благородный жест окупился сторицей.

Совсем иным путем возникло «Письмо заложнику». В октябре 1940 года Сент-Экзюпери навесит в местечке Сен-Амур в горах Юра своего друга Леона Верта и получил от него рукопись под названием «Тридцать три дня», рассказ о всеобщем бегстве... Он пообещал написать к нему предисловие и передать в издательство Брентано в Нью-Йорке. Перечитывая рукопись в Америке и уже озабоченный в первую очередь тем, чтобы объединить всех французов, Сент-Экзюпери относится с особой чувствительностью ко всему, что может посеять рознь, его настораживают пассажи Верта, обличающие торопливое и угодливое верноподданничество тех, кого впоследствии назовут «коллаборационистами». Был ли Верт не прав? Разумеется, нет. Но в тот момент обличения показались Сент-Экзюпери преждевременными, они не давали людям возможности почувствовать себя заодно, углубляли между ними пропасть. Сент-Экзюпери не стал писать предисловия, но продолжал обдумывать и вынашивать питающие его идеи... Никак не связанное с текстом Верта «Письмо заложнику» было обращено ко всем заложникам, живущим во

Франции, и вышло отдельным изданием в июне 1943 года.

Имя Верта там не упоминалось. Сент-Экзюпери не захотел подливать масла в огонь распри, но это не значило, что он забыл или отказался от своего друга. Большой одинокий Верт, живя в порабощенной Франции, где подлость и низость соперничали друг с другом, был уязвим вдвойне — как еврей и как коммунист. Этот заложник находился в самом опасном положении. В знак своей неизменной верности Сент-Экзюпери посвятил ему «Маленького принца», искупая исчезновение имени Верта из «Письма».

«Маленький принц» тоже обязан своим появлением вмешательству извне, хотя его милая удивленная мордашка стала появляться уже с 1935 года то на полях рукописей, то в письмах. Но тогда еще ничего не говорило о том, что этот прилетевший из космоса малыш, скорее трогательный, чем выразительный, ностальгический, а не пророческий, сделает еще один шаг и станет не рисунком, а литературой. Элизабет Рейнал, жена нью-йоркского издателя Сент-Экзюпери, заметив тоскливое настроение писателя, предложила ему оживить белокурого кудрявого мальчугана, который жил в воспоминаниях взрослого. Вполне возможно, созданию сказки поспособствовала и Аннабелла, жена Тайрона Пауэра. В 1941 году, когда Сент-Экзюпери лежал в голливудской больнице, она читала ему «Русалочку» Андерсена, желая развлечь или — так он сам отзывался о детских книгах — насытить глубокими питающими образами. Могло так быть? Вполне. Во всяком случае, к уже существующим волшебным сказкам Сент-Экзюпери прибавил еще одну, о своем детстве, омраченную, правда, опытом взрослой жизни. Маленькому принцу случается смеяться, но

он никогда не улыбается. А Мальчик-с-пальчик улыбается? С героем сказки всегда рядом какое-нибудь чудовище — людоед или змей, иногда морской, он спит, свернувшись, как огромная собака, под синей простыней Средиземного моря — так на своей картине «Сальвадор Дали, маленькая девочка» изобразил подобное чудище художник.

Друзья, с которыми Сент-Экзюпери поделился замыслом «Каида», кому читал первые страницы, единодушно пытались убедить его отказаться от задуманного: во-первых, он отказывается от стихии полетов, во-вторых, лирическое повествование от первого лица звучит так странно, так архаично... Ничего не поделаешь: Сент-Экзюпери уже отведено место в каталоге: свидетель и участник первых полетов. Всегда нелегко выдираться из рубрики.

Осенью 1940 года писатель возвращается к своим наброскам и продолжает писать в том же ключе. И опять читает написанное близким друзьям, которым доверяет. И опять получает в ответ скептические усмешки и уверения, что он пошел по ложному пути, и опять остается непреклонен.

Мы уже говорили, что все три написанные в Америке произведения возникли как ответ на какой-то толчок извне; главным толчком, на который отвечал Сент-Экзюпери, было бескорыстное служение дружбе — привязанность к Леону Верту, беспокойство за него стало могучим внутренним стимулом для творчества.

Если вспомнить, что появление на свет «Ночного полета» не обошлось без участия Андре Жида, который всячески ободрял молодого автора, когда тот работал над своим произведением, что позже опять-таки Жид посоветовал «собрать, как букет» статьи, появившиеся в «Марианне», «Л'Энтрасижан», «Пари-Суар», и букет превратил

ся в «Планету людей», то можно сказать, что только «Южный почтовый» и «Цитадель» создавались без всякого вмешательства извне. Первое и последнее произведения были плотью от плоти автора, его сокровенным. Были той мелодией, тем сумрачным и торжественным гимном, что возник не благодаря какой-либо встрече, а постоянно звучал в его душе, был им самим, как дыхание, биение сердца, пульсация крови — органист в пустоте заброшенного собора импровизировал, передавая самого себя. «Я полон музыкой, которую никто никогда не поймет». И вдруг сам он понял, что его предназначение в этом мире — дать возможность услышать его внутреннюю музыку. Хотя извне ничто не подвигало его на это.

Что же? Неужели мы хотим сказать, что в других произведениях не звучала внутренняя музыка? Нет, конечно, звучала. В «Южном почтовом» она пробивалась сквозь сюжетное плетение и вилась вокруг главных тем, которые имеют мало отношения к самолетам. Появлялась она и в других произведениях, отодвигая то там, то здесь сюжетное повествование, погружая читателя в философские размышления, передавая беседы, вряд ли где-то подслушанные. Но эти произведения походили скорее на либретто, а для музыки был необходим оркестр. И еще эта мощно звучащая музыка не нуждалась ни в каких толчках извне, она сама была мощным, могучим толчком.

Сент-Экзюпери, воспевая танец, говорит, что он не ведет никуда, но возвращает танцовщицу к истокам, сформировавшим ее внутренний мир. Танец — ходьба, доведенная до совершенства, освобожденная от дорог и озабоченности целью. Он движение без обязательства добраться до какой-либо точки. Бескорыстный дар освобожденного